

СОВРЕМЕННОЕ ПРОЧТЕНИЕ КЛАССИКИ

УДК 821.161.1-3(Ростопчина Е. П.). ББК Ш33(2Рос=Рус)5-8,44
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.3

МИФ О ГРЕХОПАДЕНИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Е. П. РОСТОПЧИНОЙ

Попова М. Ю.

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4918-2111>

А н н о т а ц и я. Сквозной сюжет грехопадения в творчестве Е. П. Ростопчиной до настоящего времени не становился предметом анализа. Между тем изучение в произведениях писательницы образов и аллюзий, связанных с библейской символикой, позволяет уточнить представления о формировании индивидуального художественного образа мира Е. П. Ростопчиной, описать механизм создания авторского мифа. Опираясь на представления о мифопоэтике, изложенные в трудах отечественных литературоведов (А. Ф. Лосева, В. Н. Топорова, Ю. М. Лотмана, Е. М. Мелетинского), автор статьи исследует процесс мифотворчества Е. П. Ростопчиной. Особенности художественного осмысления библейского мифа о грехопадении соотносятся с творческой эволюцией писательницы: возникновение райского топоса в ранний московский период; появление образов Адама, Евы и Змея в аннинский период; образование мотивной структуры, на которой базируется миф, в петербургский период; оформление индивидуально-авторского мифа в целостный сюжет в поздний московский период. В статье отмечается закономерность формирования мифа о грехопадении, который сложился в творчестве Е. П. Ростопчиной под влиянием факторов, как внутренних, индивидуальных – история отношений с А. Н. Карамзиным, так и внешних, литературных – интерес к тем же библейским аллюзиям писателей-современников А. А. Бестужева-Марлинского («Испытание», 1830), А. С. Пушкина («Евгений Онегин», 1823–1830), М. Ю. Лермонтова («Сказка для детей», 1839–1841, опубл. 1842), О. де Бальзака («Дочь Евы», 1838).

К л ю ч е в ы е с л о в а: Е. П. Ростопчина; миф о грехопадении; Ева; Адам; Змей; яблоко; мотивная структура; мотивы любопытства, искушения, заточения, болезни и смерти; индивидуально-авторский миф

Для цитирования: Попова, М. Ю. Миф о грехопадении в творчестве Е. П. Ростопчиной / М. Ю. Попова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 2. – С. 118–129.

MYTH OF THE LAPSE FROM VIRTUE IN THE WORKS OF E. P. ROSTOPCHINA

María Yu. Popova

Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4918-2111>

Abstract. The cross-cutting plot of the lapse from virtue in the works of E. P. Rostopchina has not been subject of analysis until now. Meanwhile, the study of images and allusions associated with biblical symbolism in the works of the writer makes it possible to clarify the ideas about the formation of the individual artistic image of the world of Rostopchina and to describe the mechanism of creation of the author's myth. Drawing on the ideas about mythopoetics set forth in the works of the Russian literary critics (A. F. Losev, V. N. Toporov, Yu. M. Lotman, E. M. Meletinsky), the author of the article explores the process of myth-making by Rostopchina. The specific features of the artistic interpretation of the biblical myth of the lapse from virtue correlate with the creative evolution of the writer: the emergence of the paradise topos in the early Moscow period; the use of the images of Adam, Eve and the Serpent in the Anninsky period; the formation of the motif structure on which the myth is based in the St. Petersburg period; the transformation of the individual author's myth into a complete plot in the late Moscow period. The article notes that the formation of the myth of the laps from virtue in the work of Rostopchina was quite natural; it was a result of the factors, both inner or individual – the history of relations with A. N. Karamzin, and external or literary – interest in the same biblical allusions of the writers-contemporaries A. A. Bestuzhev-Marlinsky ("Trial", 1830), A. S. Pushkin ("Eugene Onegin", 1823-1830), M. Y. Lermontov ("A Fairy Tale for Children", 1839–1841, published in 1842), Honoré de Balzac ("A Daughter of Eve", 1838).

Keywords: E. P. Rostopchina; myth of the lapse from virtue; Eve; Adam; Serpent; apple; motif structure; motifs of curiosity, temptation, imprisonment, illness and death; individual author's myth

For citation: Popova, M. Yu. (2023). Myth of the Lapse from Virtue in the Works of E. P. Rostopchina. In *Philological Class.* Vol. 28. No. 2, pp. 118–129.

Творческое наследие графини Е. П. Ростопчиной, имевшей, по словам академика А. И. Белецкого, «типическую судьбу романтика эпохи романтических сумерек» [Белецкий 1919: 337], редко становилось предметом исследования. Изучение произведений писательницы в мифологическом аспекте предпринималось еще реже, хотя романтики, пишет Е. М. Мелетинский, придавали мифу «особое значение как прототипу художественного творчества» [Мелетинский 1976: 17]. М. П. Гребнева в романе Е. П. Ростопчиной «Палаццо Форли» (1854) исследует функционирование флорентийского мифа, который строился на основе мотивов сада, цвета, цветка и камня [См.: Гребнева 2004; Гребнева 2009]. А. М. Ранчин, анализируя четыре редакции стихотворения «Две встречи» (1839, 1841, 1856, 1857), приходит к выводу, что Е. П. Ростопчина-поэтесса создавала миф «о себе как о преемнице Пушкина, подкрепляемый другим личным мифом – о себе как о "предмете" пушкинской любви» [Ранчин 2019: 127]. Работы М. П. Гребневой и А. М. Ранчина можно считать началом изучения авторских мифов писательницы. К ним примыкает и настоящая статья.

Ф. В. Шеллинг полагал, что «всякий великий поэт призван превратить в нечто целое открывшуюся ему часть мира и из его материала создать *собственную* мифологию» [Шеллинг 1966: 147. Курсив автора. – М. П.]. Дей-

ствительно, художественная литература как феномен духовной деятельности человека тесно связана с освоением и интерпретацией мифологических образов, мотивов и сюжетов. В этом смысле миф, утверждал А. Ф. Лосев, есть «совершенно необходимая категория мысли и жизни, далекая от всякой случайности и произвола» [Лосев 2001: 36. Курсив автора. – М. П.]. Литературное мифотворчество базируется на идее «вечной циклической повторяемости первичных мифологических прототипов под разными "масками", своеобразной замещаемости литературных и мифологических героев...» [Мелетинский 1976: 8].

Определение термина «мифопоэтика», достаточно четко сформулированное Н. О. Осиповой, мы используем в качестве рабочего: «Мифопоэтика – это метод исследования таких явлений литературы, которые ориентированы на мифопоэтические модели с целью проследить их генезис, развитие и функции в создании целостной картины мира, трансформацию традиционных образов, что позволяет исследовать широкие интертекстуальные связи» [Осипова 2000: 51]. Кроме того, будем иметь в виду наблюдения Ю. М. Лотмана: различные мифы «могут представлять собой реликтовое явление или результат регенерации; они могут быть бессознательными или осознанными» [Лотман 1991: 69].

Художественный образ мира Е. П. Ростопчиной изобилует библейскими аллюзиями. В цикле «Му home» (1842) предметом изображения становится Мадонна, написанная Рафаэлем Санти. Марина Ненская – главная героиня романа «Счастливая женщина» (1851) сравнивается с кающейся Марией Магдалиной и Марией, сестрой Лазаря, а второстепенный персонаж Текла Войновская сопоставлена с другой сестрой Лазаря – Марфой. Особое место занимают описания картин на новозаветные темы в романе «Палаццо Форли».

Однако в ряду библейских аллюзий у Е. П. Ростопчиной наиболее частотна отсылка к героям истории о грехопадении. На протяжении всего творческого пути писательница осмысляла жизнь женщины через ветхозаветную сюжетную ситуацию искушения Евы Змеем, вводя своих героинь во вневременное измерение, конструируя собственный миф.

Образ рая появляется у Е. П. Ростопчиной уже в посвящениях *раннего московского периода творчества* (1824–1832)¹. В стихотворениях «Италия» (1831) и «Фантазия» (1832) Апеннинский полуостров включен в картину романтического двоемирия и представляет собой «рай земной», «Эдем восторженных умов». Согласимся с О. М. Фрейденберг: некоторые мотивы не могут возникнуть без героя, так как в основе своей они содержат действие, совершаемое персонажем. Причем поступки героя обусловлены его внутренними свойствами: «... герой делает только то, что семантически сам означает» [Фрейденберг 1988: 233]. Следовательно, пока есть только пространственные координаты, но нет людей, населяющих райский топос, мотив грехопадения не обнаруживается в ранней лирике поэтессы.

Сквозной сюжет о прегрешении первых людей у Е. П. Ростопчиной начинает формироваться позднее – в произведениях, завершающих *аннинский период ее творчества* (1833–1835)², когда невинность, греховность и обретение опыта, являясь архетипической мо-

делью, отраженной и закрепленной в мифе, становятся для поэтессы объектом индивидуального переживания.

Известно, что Евдокия Сушкова была выдана за графа Андрея Федоровича Ростопчина, не имея к нему даже дружеской привязанности. Красноречивы слова двоюродной сестры поэтессы Е. А. Сушковой (девичья фамилия Е. П. Ростопчиной), сравнивающей в своем дневнике день свадьбы Евдокии с похоронной процессией: «Хоронят не девушку, но ее счастье, ее радость, ее невинность» [Сушкова 1928: 248]. Во всех статьях о жизни и творчестве Е. П. Ростопчиной и единственной биографии писательницы³ говорится о ее романе с Андреем Карамзиным, сыном знаменитого русского историка и писателя Н. М. Карамзина.

Именно в период заочного знакомства с путешествующим по Европе А. Н. Карамзиным⁴ в творчестве Е. П. Ростопчиной возникают ветхозаветные образы и связанный с ними мотив грехопадения. Зимой 1835 года Е. П. Ростопчина создает стихотворение «Не верю вам!..», в котором впервые дана интерпретация известного библейского сюжета:

Не верю вам!.. Вы нам враги издавна!..
 Нас искушать,
 Нас обмануть и бросить вам забавно!
 Вы расточать
 Умеее хвалу и лесть с отравой;
 Не верю вам!..
 В вас сердца нет; вы хитры, вы лукавы,
 Как демон сам!..
 Вы мстите нам, с досадой вспоминая,
 Что в старину
 Наш общий дед, Адам, лишился рая
 Через жену,
 Что первый муж был первою женою
 Введён во грех...
 И любите вы страстную вражду
 С тех пор нас всех!.. (I, 176)⁵

¹ Подробнее о творческой эволюции писательницы см. в наших статьях: [Попова 2022: 10–11; Попова, Ермоленко 2023: 27–42].

² Название впервые употребила в своей статье В. В. Стручкова, анализируя сборник стихотворений «Вы вспомните меня...». Сборник включает произведения, написанные, по нашей периодизации, во второй и третий периоды творчества Е. П. Ростопчиной в селе Анна. Автор статьи даже называет поэтические произведения «аннинским» циклом, не выделяя при этом циклообразующие компоненты и, по сути, смешивая циклы «Давно прошедшее» и «Неизвестный роман» (1839), принадлежащие разным периодам [Стручкова 2013: 134].

³ Романов Б. Поэтесса, или Судьба Евдокии Ростопчиной: повествование в семи частях. М.: Русский Мир, 2017.

⁴ В «Альбоме...» Е. П. Ростопчиной, хранящемся в РГАЛИ, имеются выписки из заграничных писем А. Н. Карамзина [См.: РГАЛИ. Ф. 433. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 5–13].

⁵ Здесь и далее цит. по: [Ростопчина 2019–2020] с указанием в скобках тома и номера страницы. Курсив в цитатах, кроме особо оговоренных случаев, автора. – М. П.

В инвективном стихотворении и демон, и Адам, и «вы», к которым обращена речь лирической героини, составляют один мужской собирательный образ. Мужчины испытывают по отношению к женщине любовь-вражду (месть). Женщины же расплачиваются за грехи Евы, каждый раз повторяя ошибку «прародительницы». Однако лирическая героиня противопоставит соблазну:

Не попадусь!..
И чистого вам сердца для забавы
Я не отдам!.. (I, 177)

В повести «Поединок» (напис. летом 1835 г., опубли. в 1838 г.) Е. П. Ростопчина изображает совсем иной тип женского поведения. Автор¹ относит себя и своих читательниц к потомкам Евы, наследующим черты характера первой женщины: «Но *любопытство* не дремлет даже там, где нет нас, *бедных* женщин, со времен *прабабушки Евы* [ср.: «Наш общий дед, Адам...»] уличенных в любопытстве...» [Ростопчина 1989: 234. Курсив наш. – М. П.]. Райский топос представлен в повести в странном «перевертыше». Именно искушающая любовь Дольского к Юлии становится для нее раем: «... она уже не искала сил отвергнуться навеки от завиденного рая и возвратиться на землю, вкусив блага неба» [Ростопчина 1989: 261].

В конце аннинского периода в творчестве Е. П. Ростопчиной выстраивается триада мотивов: любопытство – искушение – грехопадение. Опираясь на мотивную триаду, писательница раскрывает двойственную природу запретной любви. С одной стороны, искушающее, греховное начало, а с другой – идиллическое, утраченное прародителями состояние блаженства. Данная антиномия отражается в изменении традиционного сюжета грехопадения: будучи искушенной, героиня обретает рай.

Интерес к упомянутому мотиву у Е. П. Ростопчиной был вызван не только личным опы-

том. Она была знакома и с произведениями писателей-современников, которые обращались к известной библейской истории. Главная героиня повести А. А. Бестужева-Марлинского «Испытание» (1830) графиня Алина Звездич названа «наследницей» Евы, от которой ей досталось «приданое – *любопытство* и оскорбленное самолюбие» [Бестужев-Марлинский 1990: 41. Курсив наш. – М. П.]². Блистательная графиня, действительно, оказывается, как и Ева, в ситуации искушения. Армейские приятели Грёмин и Стрелинский задумали испытать на верность возлюбленную Грёмина. Однако Стрелинский, исполняя роль волокиты по просьбе своего товарища, влюбляется в Алину. Чувство оказывается взаимным, следовательно, Алина, а вместе с ней и Стрелинский, не проходят испытание.

Библейская аллюзия встречается и в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» (1823–1830):

О люди! все похожи вы
На прародительницу Эву:
Что вам дано, то не влечет,
Вас непрестанно змий зовет
К себе, к таинственному древу;
Запретный плод вам подавай:
А без того вам рай не рай...
[Пушкин 1978: 152]

В следующий *петербургский период творчества* (1836–1844) Е. П. Ростопчина начнет работу над романом в стихах «Дневник девушки», который будет связан с пушкинским произведением на уровнях стихотворной формы и сюжета³. Главная героиня Зинаида влюбляется в разочарованного, «как Ренэ, как Пушкина Онегин», Владимира Валентовича. Владимир и Зинаида сравниваются в романе с архетипической парой Змей – Ева:

Как искуситель-змей, в чудесный рай манил он,
А я?... я верила, что рай доступен вновь...

¹ В ранних светских повестях, как и в романах «Дневник девушки» (1838–1850) и «Счастливая женщина» (1851–1852) ошутимо присутствие автора. Эмоциональный настрой автора часто проявляется в субъективно-оценочных суждениях, лирических отступлениях, активном диалоге с читателем.

² «Поединок» Е. П. Ростопчиной вступает в своеобразный диалог с «Испытанием» А. А. Бестужева-Марлинского. Произведение писательницы, как и повесть ее современника, начинается с описания военного быта, в условиях которого находятся главные герои. Сюжеты повестей роднит центральный эпизод поединка двух друзей. Однако трагическое разрешение конфликта отличает повесть Е. П. Ростопчиной от оптимистичного финала произведения А. А. Бестужева-Марлинского.

³ О переключках с романом «Евгений Онегин», лирикой А. С. Пушкина и его отрывком «Гости съезжались на дачу» (1828, опубли. 1839), которые имеют в романе особую, сверхтекстовую природу, см. в нашей статье [Попова 2022].

Вновь мы видим редуцированную ветхозаветную историю. Если ранее Е. П. Ростопчина не давала характеристику райскому топосу, то в романе «Дневник девушки» рай получает номинацию «чудесный», что отсылает к первоначальному состоянию человека в Эдеме до грехопадения. Однако как может вернуть Еве рай тот, кто когда-то подтолкнул ее к преступлению божественной заповеди? Библейская аллюзия углубляет содержание произведения: Зинаида оказывается искушена пресытившимся светской жизнью Владимиром. Образ лишнего человека обретает черты злодея в романе Е. П. Ростопчиной, а движение героини к самопознанию возможно лишь через испытание любовью.

Параллельно Е. П. Ростопчина работает над поэмой «Любовь в Испании. Романсеро» (1839): «Эльвира, жена старого ревнивца, встречает молодого странника, сердце ее просыпается, она любит и страшится любви...» [Романов 2017: 160]. В поэме говорится о «земной» любви как о «змеё», «волшебную тревогу» которой никто не в силах «укротить», однако утверждается и противоположное: женщине «бояться нечего», «если страстию почтительной и чистой / Поклонник искренний прикован в тайне к ней...» (III, 38). Это противоречие выражается в алогичном высказывании: «Я искушенья проклиная... / Но искушителя люблю!..» (III, 31) – антитезе библейскому: «... и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого» [Евангелие от Луки 2013: 1101]. Сформировавшаяся в произведениях петербургского периода сюжетная ситуация запретной любви станет важной составляющей авторского мифа поэтессы.

В лирическом цикле «Бальная сцена» (1841–1843) главная героиня Она – замужняя женщина, любящая анонимного Его, решает отречься от возлюбленного. Он, на протяжении всего вечера иронизирующий над Ее холодностью и осторожностью в свете, не может понять внутреннюю борьбу женщины между «раем сердечным» и «покоем». В последнем диалоге Она «проговаривает» свое окончательное решение:

ОН.

О!.. вы раскаетесь конечно,

Отвергнув гордо рай сердечный!..

ОНА.

Нет!.. Жизнь моя посвящена

Покою, думе одинокой!..

Далеко рай!.. Эдем высок...

Кто их сюда переманит?..

Свою судьбу кто победит?..

Страшна попытка! – Женской доле

Единый путь лишь к счастью дан:

Через церковь!! – Если же обман,

Холодность, пустоту, неволю

На том пути мы обрели,

Для нас все кончено!.. Прошли

Навек дни жизни сердца?.. Снова

Не предоставлен выбор нам...

Благополучия другого

Ждать не должны мы... пополам

Меж запрещенною любовью

И тяжким долгом жизнь делить;

Попрать чужую честь, – шутить

Чужою участью и кровью,

С собою двух других губить,

Грешно и страшно!...!

Замолчала...

<...>

Она забыла бал и свет,

И зрителя; – она, быть может,

Всю горечь многих грустных лет

Проговорила... (III, 141–142. Курсив наш. – М. П.)

Как видим, «рай сердечный», «дни жизни сердца» противопоставлены «судьбе», «женской доле» в произведении Е. П. Ростопчиной. Библейская аллюзия возникает в кульминационный момент исповеди героини. Риторические вопросы, восклицания, многочисленные паузы внутри и в конце строки, разрывающие или замедляющие движение стиха, способствуют созданию эмоционально-напряженного интонационного рисунка, который точно передает состояние героини, как физическое («Грудь её едва дышала, / И были слёзы на глазах...» (III, 142)), так и душевное («роковой скорби» о том, чему быть не суждено).

Вероятно, цикл «Бальная сцена» имел для Е. П. Ростопчиной особое значение. Один из эпиграфов к нему подписан специфическими для ростопчинских произведений символами: «Так вы сегодня и кланяться не намерены?..» (* ... * ...) (III, 124); переключается с пер-

выми словами героя в цикле: «Вам не угодно даже взором / Меня почтить?» (III, 134). Мы, вслед за В. С. Киселёвым-Сергениным и Б. Н. Романовым, полагаем, что под символами «* ... *...», как и под криптонимом «N. N.» и литерами «X...X...», Е. П. Ростопчина скрывала имя А. Н. Карамзина [см. об этом: Киселёв-Сергенин 1994: 272; Романов 2017: 193].

Героини произведений петербургского периода творчества писательницы находятся в тупике: искушение мучительно для них, отказ же от него равносителен смерти, отпадению от «сердечного рая». Так, Эльвира уходит в Картезианскую обитель:

...где святые жёны
Жаживо отпеты песнью похоронной, –
Сами себе роют заступом могилу...
(III, 51).

Героиня Она в цикле «Бальная сцена» молится о себе «как об усопшей» после расставания с возлюбленным, просит «сна могильного» или «бесчувствия»; о Зинаиде же, главной героине романа «Дневник девушки», автор скажет в финале:

В гробу ли спит она иль украшает свет, –
Поверьте, всё равно: – уж прежней Зины
нет!!....
(III, 548).

К концу петербургского периода становится заметно, как от основного библейского мотива искушения разрастается «пучок мотивов» (Б. Н. Путилов) в произведениях Е. П. Ростопчиной. Мотивная структура любопытство – искушение – грехопадение, возникшая, как мы уже отмечали, в аннинский период творчества, образует следующую цепочку мотивов: наказание (добровольное заточение) – болезнь – смерть. Первую можно условно назвать триадой преступления, вторую – триадой наказания.

Невозможность запретной любви все больше мучила Е. П. Ростопчину, что отразилось на их отношениях с А. Н. Карамзиным

и состоянии ее здоровья. В начале 1844 года А. Н. Карамзин внезапно переходит из гвардейского полка в действующую армию на Кавказ. Е. П. Ростопчина в январе того же года сообщает в письме к М. П. Погодину: «Мое здоровье так расстроено, что я решительно отшельничаю, никуда не выезжаю, света не вижу и берегу последние силы свои...» [Ростопчина 1987: 284].

Связанные с грехопадением мотивы заточения, болезни и смерти будут развиты в произведениях *позднего московского периода творчества* (1845–1858). Узнавшая во время заграничного путешествия о женитьбе А. Н. Карамзина на Авроре Демидовой¹, а по приезде изгнанная царем из Петербурга за публикацию баллады «Насильный брак» (1845), Е. П. Ростопчина, вопреки всему, находится в состоянии небывалого творческого подъема. В это время, по словам писательницы, «труд все более и более становится необходимым условием и высшею потребностью» ее «духовной жизни» (из письма М. П. Погодину от 30 ноября 1853 года) [Ростопчина 1987: 301]. За период с 1845 по 1858 годы Е. П. Ростопчиной будет создано немало произведений разных жанров: от небольших элегий, дружеских посланий до сатирических комедий, психологических драм и романов.

В драме «Нелюдимка» (напис. в 1849 г., опубл. в 1850 г.) воссоздана ситуация добровольного заточения в глуши. Главная героиня Зоя уезжает жить с няней в деревню. Сюжет драмы представляет собой разыгрывание пари, которое предлагает своим друзьям молодой Валентин, решивший путем соблазна «за пятьсот червонцев» «в полгода» сделать Зою своей невестой:

Прекрасно!.. Браво!..
Теперь за мною дело!.. *Сатана!*
Ты мастер надувать и *соблазнять*,
По старой памяти, *всех внучек Евы...*
Будь в помощь мне!.. А я в тебя тогда
Уверю, – даю честное слово! (IV (I), 62)

¹ Символично и, вероятно, неслучайно Е. П. Ростопчина поедет практически по тому же европейскому маршруту, что и А. Н. Карамзин за 10 лет до ее семейного путешествия. См. об этом подробнее в альбоме Е. П. Ростопчиной [РГАЛИ. Ф. 433. Оп. 1. Ед. хр. 18].

Зоя же, отвергая всерьез влюбившегося в нее и забывшего о пари Валентина, произносит перед ним монолог-исповедь. Героиня признается, что уже любила «свято и безумно», «как любят в двадцать лет», одного графа по имени Юрий, и вопрошает:

...к чему всё это
Мне послужило?... Бросили меня...
На жертву принесли соображеньям
Холодного рассудка... Заманили
В какой-то рай, явленный на земле,
И вдруг, – когда в рай я обжилась
И свыклась с ним, – на землю без пощады
Отринули меня...
<...>
И тот, кого другим я предпочла...
И как раба служить была готова...
Он от меня отрёкся!.. Он уехал...
Он разлюбил... Утешился... Он счастлив!.. (IV (I),
125–126)

Заметим, что рай в «Нелюдимке» уже не «чудесный», как в «Дневнике девушки». Неопределенное местоимение «какой-то рай» передает зыбкое состояние героини, прошедшей через испытание любовью. О том, как себя чувствовала девушка после исчезновения Юрия, читатель узнает из слов няни:

... Зоя наша изменилась
Тогда совсем: бледна, худа, грустна,
Всё плакала она, всё запиралась...
Каких-то писем всё ждала... получит,
И будто веселее станет ей;
Начнёт ходить, читать... а писем нет –
Она в постелью сляжет... Так тянулось
Довольно долго... (IV (I), 83)

Таким образом, в драме «Нелюдимка» мотив искушения дважды становится сюжетообразующим: сначала Зою искушает Юрий, затем – Валентин. Перед нами все та же триада мотивов (любопытство – искушение – грехопадение), завершающаяся болезнью, а затем добровольным заточением героини в своем дальнем поместье.

Е. П. Ростопчина, как и ее героиня – нелюдимка Зоя, удалилась от света в подмосковное имение Вороново, где создавала свое произведение. Позднее, после публичного чтения

драмы на одной из московских суббот, писательница сообщила свои душевные мысли о героине в письме к М. П. Погодину: «Я нарочно наделила ее всеми прелестями и талантами, которых у меня нет, чтобы не сказали, что это я, но, конечно, во многом она наследовала мою опытность, мое воззрение на мир, и так как я главною целию своей полагала *истину*, в ней отразилось многое из того, что было пережито мною» [Цит. по: Барсуков 1986: 337. Курсив автора. – М. П.]. О том, что Е. П. Ростопчина в драме «высказала... историю своего сердца», писал А. Ф. Вельтман [см.: Ростопчина 1987: 291].

Свой жизненный опыт передаст писательница и Марине Ненской – главной героине романа «Счастливая женщина». В центре сюжета – любовная история Марины, в 18 лет отданной за 45-летнего знатного дворянина Ненского. На одном из светских раутов, будучи уже 23-летней дамой, почитаемой в свете «счастливейшею женщиной», Марина встречается с 26-летним Борисом Ухманским, только что вернувшимся из-за границы. Скоро они оба понимают значение этой встречи и влюбляются друг в друга.

В романе содержится пассаж, в котором дано развернутое сравнение Марины с архетипом Евы:

«Искушение парило уже над её безмятежною головою и, мало-помалу развёртывая перед нею соблазнительную логику своих умствований и наущений, играло в глубине её мыслей роль змея, соблаздившего Еву. Снова для Евиной правнучки в тысячном поколении свершалось испытанное столь многими дочерьми и внучками общей прародительницы – возобновлялась эта вечная драма женщины, тоскующей, пытливей и праздной, раздумывающей о своей участи и недовольной ею. Снова женщине надоедало её безбурное неведение, её неполное существование, и она начинала волноваться и колебаться, сманиваемая в мир познания всем её окружающим и всем в ней трепещущим. Древо добра и зла, пугающее сначала неопытных и понемногу заманивающее их под свою таинственную тень, вдвое привлекательную запрета ради, и манило её, и притягивало её издали обаятельными обетами... И тем опаснее было это обаяние, тем сильнее его навевание,

что бедная женщина изнемогла от сердечной усталости одиночества, от жажды и голода, утомивших её душу в аравийской пустыне её жизни, ничем и никем не населённой... Все причины женского падения, все ловушки и подкопы светской жизни окружали Марину...» [Ростопчина 1991: 20–21].

Историю Евы Е. П. Ростопчина называет «вечной драмой женщины», вновь употребляя номинации родственной близости с ней («Евины правнучки», внучки и дочери). В приведенном отрывке автор намекает на то, что демоническое начало уже присуще внутреннему миру героини: «Искушение... играло в глубине её мыслей роль змея, соблаздившего Еву» [Там же]. Повествуя о Марине-Еве, автор указывает на причины женского падения, подтолкнувшие героиню в «мир познания»: «безбурное неведение», «неполное существование», «усталь одиночества».

Марина Ненская начинает встречаться с Борисом, который прямо сравнивается в романе с демоном: «Марина, как только заметила, что Ухманский ей слишком нравится и может быть опасен тому невозмутимому спокойствию, которому она довольно обрела себя в первые безрадостные дни своего замужества, – Марина вознамерилась удалить этого демона-соблазителя своей души» [Ростопчина 1991: 42]. Поведение Бориса, действительно, в некоторых эпизодах похоже на демоническое соблазнение, он не может понять «борьбы женской гордости с страстью, почитаемой запрещённой» [Ростопчина 1991: 43].

Счастливой любви в романе не суждено сбыться: мать возлюбленного против его отношений с замужней женщиной. Когда же Борис покидает больную Марину, внезапно прервав их совместное путешествие, она умирает на чужбине.

Марину в её «падении», как и Еву, извиняет «природная слабость, преувеличенно-формальное и чисто внешнее представление о заповеди, наконец, непосредственно-чувственное впечатление от древа» [Лопухин 2009: 63].

Однако если Ева в раскаянии переносит ответственность на змея («Жена сказала: змей обольстил меня, и я ела» [Лопухин 2009: 64]), то Марина вместо самооправдания искренне раскаивается в своем письме к Борису.

Нами установлено, что роман «Счастливая женщина» на сюжетном уровне имеет ряд переключек с повестью О. де Бальзака «Дочь Евы» (1838)¹. Как и графиня Евгения де-Ванденесс, Марина вышла замуж за пресыщенного любовью и безграничной свободой человека, который был старше ее. Обе женщины, уже будучи замужними, влюбляются в других мужчин. Марина и Евгения оказываются схожи в своей нравственной чистоте. Обе они испытывают аналогичные чувства при сближении с объектом своей любви и одинаково действуют, отстраняя от себя одна – Бориса, другая – Рауля. Наконец, и название повести О. де Бальзака, и сравнения в ней отсылают к сюжету о грехопадении. В произведении французского автора Рауль не раз сравнивается с искусителем:

«Он очень хорошо играл роль змея-искусителя, и сверкал в глаза яркими цветами запрещённого плода. Евгения уехала с этого бала с угрызениями совести, которые походили на надежды, прельщённая комплиментами, льстившими её тщеславию, растроганная до самых глубоких изгибов сердца, и влекомая к пороку самую своей добродетелью, высоким соболеванием к несчастью» [Б. а. 1839: 38].

Один из значимых текстов (для понимания образов Бориса и Марины), к которому отсылает автор романа «Счастливая женщина», – неоконченная поэма М. Ю. Лермонтова «Сказка для детей» (1839–1841, опубл. 1842)²: «Лермонтов рассказал нам... как Демон воспитывал княжну в старинном доме и пустом зале её знатных предков. <...>... по тому обстоятельству, что его демон выбрал зеркало в подмогу и способ своего преподавания, можно заключить, что он был дух суетности и тщеславия, питатель женских прихотей и

¹ Е. П. Ростопчина была знакома с повестью О. де Бальзака, о чем свидетельствует цитата из нее, предпосланная в качестве эпиграфа к III части XIV главы («Светские искушения») романа «Дневник девушки». Отметим также, что первый перевод названия повести О. де Бальзака – «Графиня де-Ванденесс. История счастливой женщины» (1839) – переключается с названием романа Е. П. Ростопчиной.

² Ссылку на лермонтовскую поэму встречаем и ранее в эпиграфическом корпусе романа «Дневник девушки» (предваряет главу XIV «Светские искушения»).

женского самолюбия, и что княжна должна была выйти из его школы отлично кокеткой, посвящённой во все таинства науки света и общежития» [Ростопчина 1991: 23].

Роман Е. П. Ростопчиной имеет немало общего с поэмой М. Ю. Лермонтова. Действие произведений происходит в Петербурге. Героини принадлежат к столичной аристократии и представляют собой такие типажи женщин, которые, как отмечал Ю. Н. Чумаков (говоря, правда, помимо лермонтовской, и о героине неоконченного романа в стихах А. А. Григорьева «Отпетая» (1847)), «переступают порог дозволенного (у Лермонтова – в мечтах!), ведут себя как романтические натуры, не подвластные внешним обстоятельствам, живущие “мимо всех условий света” и обязанные самим себе как взлетами, так и падениями» [Чумаков 1987].

О сосредоточенности Е. П. Ростопчиной в 1850-е годы на ветхозаветной истории о первородном грехе свидетельствует ее письмо к Ю. Н. Бартеневу (24 сентября 1851 года): «Когда Сатана восхотел соблазнить Еву, то он поднёс ей яблочко, единое, и ради этого... яблочка Прабабушка соблазнилась, и обновила грех любопытства, которому все мы, ее внучки и правнучки, так теперь падки..... От этого случая произошло всё недоброе на земле; что же выйдет из стольких десятков яблок, которыми наделили вы меня..... И благодарить ли вас за него?... Хорошо, что вы уже известны как человек благонамеренный, а то я бы стала придумывать так-ли и кроется-ли каких-нибудь Сатанинских затей под этими вкусными, прозревшими яблоками, которые... мы едим за ваше здоровье, и в вашу похвалу» [РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 8 Ед. хр. 65. Орфография и пунктуация в авторской редакции. – М. П.]. Шутливый упрек Е. П. Ростопчиной своему адресату в виде указания на мораль ветхозаветной истории свидетельствует о том, что собственный миф стал для писательницы специфической оптикой, через которую она воспринимала действительность.

В 1854 году во время одного из сражений Крымской войны (на Балканах) погибает А. Н. Карамзин. Это событие Е. П. Ростопчина, наверное, так и не смогла пережить. Она умрет спустя 4 года от смертельной болезни, «первые страдания» которой, по словам ее

дочери Лидии, «уже два или три года» до этого начали «подтачивать» писательницу [Ростопчина 1912: 255]. За год до смерти Е. П. Ростопчина напишет стихотворение «Первый соблазнитель» (1857), в основе которого лежит библейский сюжет, вызревавший долгие годы в ее сознании, частично реализованный в рассмотренных нами выше произведениях.

Стихотворение построено в форме диалога между Женой и Змеем. Женщина (Жена) изображена в состоянии внутренней борьбы. Жену искушает падший ангел, который приходит к ней во снах:

Он бледен; гордое чело
Как будто тучей облекло...
<...>
Нет! он не светлый небожитель!..
Он черноок, он черновлас, ...
И взором пламенным не раз
Тебя [Жену. – М. П.] смущал твой соблазнитель!.. (II, 443)

Жена скрывает содержание снов от мужа и страшится, когда понимает, что о «вечном посетителе» ее грез знает Змей, под чьим обликом и скрывается демон. Искушение усиливается Змеем, подталкивающим Жену к нарушению «рокового запрета»:

Жена.
За яблоко... утратить рай...
Ведь глупо будет?..
Змей.
А как сладость
Неведомую ты вкусишь?..
Когда ты мигом воскресишь
Напрасно дремлющую младость?..
Когда и властью, и умом
Сравнишься вдруг ты с божеством?..
Когда лицом к лицу узнаешь
Того, о ком давно мечтаешь,
Пророческим забывшись сном?... (II, 447–448)

Несколько раз Жена отказывается принять запретный плод, однако «любопытство верх берёт», и она уже называет «другом» того, по отношению к кому была враждебно настроена («Как смеет спрашивать змея?» (II, 433)), и просит сорвать для нее яблоко. Стихотворение оканчивается торжествующей речью Змея:

Взяла?!... Отведала?!... Прощай,
 Людей бессмертие и рай!..
 Впредь до приятного свиданья!..
 Отныне, смертных род, тебе
 Войну на век я объявляю
 И с первого урока знаю,
 Как побеждать тебя в борьбе!.. (II, 450)

В традиционный ветхозаветный сюжет Е. П. Ростопчина включает рассказ Жены об однообразной семейной жизни и признание в любви к падшему ангелу (Ср.: «Но искусителя люблю!..»). Стихотворение «Первый соблазнитель» строится на мотивной триаде преступления (любопытство – искушение – грехопадение), а в пророческих словах Змея звучит недвусмысленный намек на наказание смертью: «Прощай, / Людей бессмертие и рай!..» (Там же).

В поздний московский период творчества авторский миф в произведениях Е. П. Ростопчиной выполняет структурообразующую роль. В драме «Нелюдимка», романах «Дневник девушки» и «Счастливая женщина» отсылка к сюжету искушения Евы Змеем появляется в эпизоде завязки сюжета, героини перечисленных произведений, так же как и

Ева, находятся в состоянии психологического тупика – внутреннего смятения и борьбы.

На почве библейского мифа Е. П. Ростопчина к концу своей жизни конструирует собственный миф о вечно возобновляемой драме женщины. На протяжении более чем 20 лет писательница постепенно развивала сюжет, базирующийся на двух мотивных структурах (триады преступления и наказания). Процесс построения индивидуального мифа у Е. П. Ростопчиной совпадал с ее творческой динамикой: движение от одного этапа к последующему соотносится с возникновением образа рая в ее стихотворениях, дальнейшим «заселением» этого райского топоса персонажами (Ева, Адам, Змей), развитием мотивов, на которых основывается в позднем творчестве сюжет о грехопадении.

На формирование индивидуального мифа оказывали влияние внешние литературные факторы: обращение к ветхозаветной истории писателей-современников – А. С. Пушкина, А. А. Бестужева-Марлинского, М. Ю. Лермонтова, О. де Бальзака. Однако сильным толчком к этому все же, с нашей точки зрения, послужил личный опыт писательницы – ее отношения с А. Н. Карамзиным.

ИСТОЧНИКИ

- Белецкий, А. И. Эпизод из истории русского романтизма. Русские писательницы 1830–1860 гг. Харьков, 1919 / А. И. Белецкий // РО ИРЛИ РАН. – Фонд Р1. – Оп. 2. – Ед. хр. 44/1.
- Бестужев-Марлинский, А. А. Испытание / А. А. Бестужев-Марлинский // Русская светская повесть первой половины XIX века. – М. : Сов. Россия, 1990. – С. 15–74.
- Евангелие от Луки // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М. : Российское Библийское Общество, 2013. – С. 1081–1126.
- Пушкин, А. С. Евгений Онегин / А. С. Пушкин // Полное собрание сочинений : в 10 т. Т. 5. Евгений Онегин. Драматические произведения. – Л. : Наука, 1978. – С. 8–184.
- Ростопчина, Е. П. Альбом с записями мыслей Е. П. Ростопчиной, автографами А. Н. Майкова, Н. Ф. Щербины, Л. С. Пушкина и др., выписками из писем А. Н. Карамзина, из произведений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, О. Бальзака, И.-В. Гёте, Д.-Г. Байрона и многих других. На русском, французском, немецком, английском, польском языках / Е. П. Ростопчина // РГАЛИ. – Ф. 433. – Оп. 1. – Ед. хр. 18.
- Ростопчина, Е. П. Поединок / Е. П. Ростопчина // Русская романтическая новелла / сост., подготовка текста, вступ. статья и примеч. А. Немзера; худ. Б. Тржемецкий. – М. : Худож. лит., 1989. – С. 229–295.
- Ростопчина, Е. П. Собрание сочинений : в 6 т. / Е. П. Ростопчина; сост., подг. и коммент. А. М. Ранчина. – М. : Дмитрий Сечин, 2019–2020. – Т. 1. – 589 с.; Т. 2. – 783 с.; Т. 3. – 767 с.; Т. 4. Кн 1. – 599 с.
- Ростопчина, Е. П. Счастливая женщина. Литературные сочинения / Е. П. Ростопчина. – М. : Правда, 1991. – 448 с.
- Ростопчина, Е. П. Талисман : Избранная лирика. Драма. Документы, письма, воспоминания / Е. П. Ростопчина; сост. В. Афанасьев. – М. : Моск. рабочий, 1987. – 319 с.

ЛИТЕРАТУРА

- Барсуков, Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина : в 22 т. Кн. 10 / Н. П. Барсуков. – СПб. : Погодин и Стасюлевич, 1986. – 583 с.
- Гребнева, М. П. Женский взгляд на Флоренцию в повести Е. П. Ростопчиной «Палаццо Форли» / М. П. Гребнева // Филологический анализ текста : сб. науч. ст. Вып. V. – Барнаул : Типография администрации Алтайского края, 2004. – С. 123–129.

- Гребнева, М. П. Концептосфера флорентийского мифа в русской словесности : дис. ... д-ра филол. наук / Гребнева М. П. – Томск, 2009. – 348 с.
- Лопухин, А. П. Комментарий / А. П. Лопухин // Толковая Библия, или Комментарии на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета : в 7 т. Т. 1. – М. : Даръ, 2009.
- Лосев, А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев. – М. : Изд-во «Мысль», 2001. – 561 с.
- Лотман, Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и топологии культуры / Ю. М. Лотман. – Таллин : Александра, 1992. – 479 с.
- Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. – М. : Наука, 1976. – 407 с.
- Осипова, Н. О. Творчество М. И. Цветаевой в контексте культурной мифологии Серебряного века / Н. О. Осипова. – Киров : Вят. гос. пед. ун-т, 2000. – 271 с.
- Попова, М. Ю. Динамика образа степи в творчестве Е. П. Ростопчиной / М. Ю. Попова, С. И. Ермоленко // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – Екатеринбург : Уральский федеральный университет, 2023. – № 1. – С. 27–42.
- Попова, М. Ю. «Безжизненная степь моею жизнью духовной наполнялась...»: аннинское уединение Е. П. Ростопчиной / М. Ю. Попова // Уральский филологический вестник. Серия: Русская классика: Динамика художественных систем. – 2022. – № 4. – С. 9–20.
- Попова, М. Ю. «Пушкинский текст» в романе Е. П. Ростопчиной «Дневник девушки» / М. Ю. Попова // Пушкинские чтения – 22. Классическая и новая словесность в XXI веке: жанр, автор, текст, медиатизация : материалы XXVII Междунар. науч. конф. – СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2022. – С. 31–44.
- Ранчин, А. М. «Две встречи» Евдокии Ростопчиной: четыре редакции стихотворения и механизм создания литературного мифа / А. М. Ранчин // Поэзия филологии. Филология поэзии : сб. по материалам конференции, посвященной А. А. Илюшину. – Тверь : Изд-ль А. Н. Кондратьев, 2019. – С. 123–128.
- Романов, Б. Поэтесса, или Судьба Евдокии Ростопчиной : повествование в семи частях / Б. Романов. – М. : Русский мир, 2017. – 800 с.
- Ростопчина, Л. А. Семейная хроника (1812 г.) / Л. А. Ростопчина ; пер. А. Ф. Гретман. – М. : Звезда, 1912. – 286 с.
- Стручкова, В. В. Сохраненный след. О сборнике стихотворений Е. П. Ростопчиной «Вы вспомните меня...» / В. В. Стручкова // Евдокия Ростопчина в отечественной культуре XIX–XXI вв. Первые Ростопчинские чтения. 12 декабря 2012 г. : сборник материалов. – Воронеж : Воронежская областная типография, 2013. – С. 134–143.
- Сушкова, Е. (Хвостова, Е. А.) Записки: 1812–1841 / Е. Сушкова. – Л. : Academia, 1928. – 446 с.
- Фрейденберг, О. М. Система литературного сюжета / О. М. Фрейденберг // Монтаж: Литература. Искусство. Театр. Кино. – М. : Наука, 1988. – С. 216–237.
- Чумаков, Ю. Н. Из онегинской традиции: Лермонтов и А. П. Григорьев / Ю. Н. Чумаков. – Текст : электронный // Пушкинские чтения в Тарту : тезисы докладов научной конференции. – Таллин, 1987. – С. 62–65. – URL: <http://pushkin-lit.ru/pushkin/articles/chumakov-iz-oneginskoj-tradicii.htm> (дата обращения: 01.08.2022).
- Шеллинг, Ф. В. Философия искусства / Ф. В. Шеллинг ; под общ. ред. М. Ф. Овсянникова. – М. : Мысль, 1966. – 495 с.

REFERENCES

- Barsukov, N. P. (1986). *Zhizn' i trudy M. P. Pogodina: v 22 t.* [The Life and Works of M. P. Pogodin]: v 22 t. [Collected Works, in 22 vols]. Vol. 10. Saint Petersburg, Pogodin i Stasyulevich. 583 p.
- Chumakov, Yu. N. (1987). Iz oneginskoj traditsii: Lermontov i A. P. Grigor'ev [From the Onegin Tradition: Lermontov and A. P. Grigoriev]. In *Pushkinskie chteniya v Tartu : tezisy dokladov nauchnoi konferentsii*. Tallin, pp. 62–65. URL: <http://pushkin-lit.ru/pushkin/articles/chumakov-iz-oneginskoj-tradicii.htm> (mode of access: 01.08.2022).
- Freidenberg, O. M. (1988). Sistema literaturnogo syuzheta [Literary Plot System]. In *Montazh: Literatura. Iskustvo. Teatr. Kino*. Moscow, Nauka, pp. 216–237.
- Grebneva, M. P. (2004). Zhenskii vzglyad na Florentsiyu v povesti E. P. Rostopchinoi «Palatstvo Forli» [A Woman's View of Florence in the Novel by E. P. Rostopchina «Palazzo Forli»]. In *Filologicheskii analiz teksta : sb. nauch. st. Issue V*. Barnaul, Tipografiya administratsii Altaiskogo kraia, pp. 123–129.
- Grebneva, M. P. (2009). *Kontseptosfera florentiiskogo mifa v russkoi slovesnosti* [The Concept Sphere of the Florentine Myth in Russian Literature]. Dis. ... d-ra filol. nauk. Tomsk. 348 p.
- Lopukhin, A. P. (2009). Kommentarii [Comment]. In *Tolkovaya Bibliya, ili Kommentarii na vse knigi Sv. Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta: v 7 t.* Vol. 1. Moscow, Dar".
- Losev, A. F. (2001). *Dialektika mifa* [The Dialectic of Myth]. Moscow, Izdatel'stvo «Mysl'». 561 p.
- Lotman, Yu. M. (1992). *Izbrannye stat'i: v 3 t.* [Selected Articles, in 3 vols.]. Vol. 1. Stat'i po semiotike i topologii kultury. Tallin, Aleksandra. 479 p.
- Meletinsky, E. M. (1976). *Poetika mifa* [The Poetics of Myth]. Moscow, Nauka. 407 p.
- Osipova, N. O. (2000). *Tvorchestvo M. I. Tsvetaevoi v kontekste kul'turnoi mifologii Serebryanogo veka* [Creativity of M. I. Tsvetaeva in the Context of Cultural Mythology of the Silver Age]. Kirov, Vyatskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. 271 p.
- Popova, M. Yu. (2022). «Bezzhiznennaya step' moeyu zhiznuyu dukhovnoi napolnyalas'...»: anninskoe uединenie E. P. Rostopchinoi [“The lifeless steppe was filled with my spiritual life...”: Anninsky solitude by E. P. Rostopchina]. In *Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriya: Russkaya klassika: Dinamika khudozhestvennykh sistem*. No. 4, pp. 9–20.
- Popova, M. Yu. (2022). «Pushkinskii tekst» v romane E. P. Rostopchinoi «Dnevnik devushki» [“Pushkin's Text” in the Novel by E. P. Rostopchina “Diary of a Girl”]. In *Pushkinskie chteniya – 22. Klassicheskaya i novaya slovesnost' v XXI veke: zhanr, avtor, tekst, mediatizatsiya: materialy XXVII Mezhdunar. nauch. konf. Saint Petersburg, LGU im. A. S. Pushkina*, pp. 31–44.

Popova, M. Yu., Ermolenko, S. I. (2023). Dinamika obraza stepi v tvorchestve E. P. Rostopchinoi [Dynamics of the Image of the Steppe in the Work of E. P. Rostopchina]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki*. No. 1, pp. 27–42.

Ranchin, A. M. (2019). «Dve vstrechi» Evdokii Rostopchinoi: chetyre redaktsii stikhotvoreniya i mekhanizm sozdaniya literaturnogo mifa [“Two Meetings” by Evdokia Rostopchina: Four Editions of the Poem and the Mechanism of Creating a Literary Myth]. In *Poeziya filologii. Filologiya poezii: sb. po materialam konferentsii, posvyashchennoi A. A. Ilyushinu*. Tver, Izdatel' A. N. Kondrat'ev, pp. 123–128.

Romanov, B. (2017). *Poetessa, ili Sud'ba Evdokii Rostopchinoi: povestvovanie v semi chastyakh* [The Poetess, or the Fate of Evdokia Rostopchina: a Narrative in Seven Parts]. Moscow, Russkii mir. 800 p.

Rostopchina, L. A. (1912). *Semeinaya khronika* (1812 g.) [Family Chronicle (1812)]. Moscow, Zvezda. 286 p.

Schelling, F. V. (1966). *Filosofiya iskusstva* [Philosophy of Art]. Moscow, Mysl'. 495 p.

Struchkova, V. V. (2013). Sokhranennyy sled. O sbornike stikhotvorenii E. P. Rostopchinoi «Vy vspomnite menya...» [Saved Track. About the Collection of Poems by E. P. Rostopchina “You Will Remember Me ...”] In *Evdokiya Rostopchina v otechestvennoi kul'ture XIX–XXI vv. Pervye Rostopchinskie chteniya. 12 dekabrya 2012 g.: sbornik materialov*. Voronezh, Voronezhskaya oblastnaya tipografiya, pp. 134–143.

Sushkova, E. (Hvostova, E. A.) (1928). *Zapiski: 1812–1841* [Notes: 1812–1841]. Leningrad, Academia. 446 p.

Данные об авторе

Попова Мария Юрьевна – аспирант, ассистент кафедры литературы и методики ее преподавания, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620091, Россия, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.

E-mail: pop.masha2014@yandex.ru

Author's information

Popova Maria Yuryevna – Postgraduate Student, Assistant of Department of Literature and Methods of Its Teaching, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).

Дата поступления: 12.04.2023; дата публикации: 30.06.2023

Date of receipt: 12.04.2023; date of publication: 30.06.2023